

УДК 821.111(091):81'255.2+81'373.611

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ПИСАТЕЛЯ (на материале романа Дж.Джойса «Улисс»)

Евгения Андреевна Наугольных

доцент кафедры иностранных языков

Пермская государственная фармацевтическая академия

614990, Пермь, ул. Полевая, 2. pulina_jane@mail.ru

В статье рассматриваются лексические новообразования Дж.Джойса в романе «Улисс» и их участие в языковой игре писателя. Проанализированы способы создания авторских окказионализмов и возможности их межъязыкового перевода, в частности, на русский и немецкий языки.

Ключевые слова: окказиональное слово; языковая игра; модели словообразования; переводимость.

Известно, что роман Дж.Джойса «Улисс» заслуженно называется произведением, «которое в литературе совершило такую же революцию, как кубизм – в живописи» [Бегбедер 2008: 93]. По мнению С.Бэкетта, «Дж.Джойс блестяще умел манипулировать своим материалом. Слова у него выражают максимум того, что они могут выражать: нет ни одного лишнего слога» [Токарев 2002: 127].

Дж.Джойс стремился к тому, чтобы читатель понимал все через намек, а не посредством прямых утверждений, чтобы он не столько внимал идеям, сколько всматривался и вслушивался в текст. Поэтому те намеки, которые использует автор, основываются, прежде всего, на ряде стилистических ухищрений: это звуковые аналогии, ономотопеи, нарушение синтаксиса, всевозможные символы, языковые игры и, конечно, связанное с ними создание новых слов.

Как известно, термин «языковая игра» был введен Л.Витгенштейном, по мнению которого он «призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни», а весь процесс употребления слов в языке можно представить «в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком» [Витгенштейн 2003: 227]. Таким образом, Л.Витгенштейн считал язык в целом совокупностью языковых игр.

В современной лингвистике существуют более конкретные трактовки языковой игры. В частности, Е.А.Земская полагает, что «под общим термином "языковая игра" объединяются все явления, когда говорящий "играет" с формой речи, когда свободное отношение к форме речи полу-

чает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [Земская 1983: 172].

В своей работе вслед за Т.А.Гридиной мы рассматриваем языковую игру «в качестве особой формы лингвокреативного мышления, основанного на способности говорящих к актуализации и переключению (нарушению) ассоциативных стереотипов порождения, восприятия, употребления языковых знаков» [Гридина 1996: 4].

Когда речь идет о языковой игре на лексико-семантическом уровне, часто используют термин игра слов. По мнению А.П.Сковородникова, игра слов – это разновидность языковой игры, «в которой эффект остроты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов (трансформациями их семантики и / или состава)» [Сковородников 2004: 86]. Таким образом, писателю, пытающемуся вовлечь читателя в игру слов, необходимо в совершенстве владеть тонким искусством игры со словами.

Результатом особого внимания говорящего к форме речи, действительно, являются осознанные отступления от языковой нормы. Отсюда элементами языковой игры нередко становятся окказиональные единицы, служащие для реализации определенных авторских идей и нарушающие общепринятую симметрию языкового знака. Часто они позволяют добиться эффекта парадокса, столь необходимого в языковой игре, и поэтому свободно используются для воплощения коммуникативной интенции автора, настроенного на изобретательность.

Языковая игра Дж.Джойса в романе «Улисс» разнообразна, как и вся техника написания данного произведения. Писатель играет не только со словом как таковым (образование окказионализ-

мов), но и с языком в целом, создавая неповторимую картину относительности времени и пространства (стилистическая транспозиция видовременных форм глагола).

В частности, посредством языковых приемов Дж. Джойс пытается выразить суть времени, своеобразие и абстрактность его нового определения, изобразить землю, которая существовала до человека и будет существовать после него, ведь «Улисс» несколько напоминает «громадный трактат по квантовой физике», это «действительно благословенная книга ... для бледнолицего человека ... духовное упражнение аскезы» [Юнг 2003: 145].

Ряд исследователей полагает, что данный роман Дж. Джойса заслуживает эпитета «unreadable» или «не поддающийся чтению». Однако хотелось бы скорее согласиться с Патриком Макги, утверждающим, что «такие работы, как «Улисс» и «Поминки по Финнегану», напротив поддаются бесконечному прочтению, поскольку не существует единого исторического кода значения, способного истощить их семантические возможности» [Mcgee 1988: 7].

Если чтение «Улисса» в оригинале вызывает такое количество сложностей и непонимания у многих читателей и критиков, закономерно возникает вопрос, является ли данное произведение действительно переводимым. Возможно ли передать язык, столь легко порождающий окказионализмы и поддающийся скрещиванию слов, как английский, на другие языки, нередко сопротивляющиеся созданию подобных единиц? «Ведь у каждого языка – свой гений» [Эко 2006: 365].

Не раз отмечалось, что принципиальная возможность переводимости художественного текста основывается, прежде всего, именно на степени «языковой обусловленности произведения»: чем выше этот показатель, тем труднее перевод. Учитывая вышеизложенное, роман «Улисс», несомненно, является своеобразным вызовом переводчику, и далеко не каждый принимает этот вызов, поэтому полных переводов романа «Улисс» на русский и немецкий языки достаточно мало. Трудность этого произведения для перевода и послужила причиной выбора данного романа в качестве анализируемого материала.

В ходе работы была предпринята попытка исследовать особенности окказиональных новообразований Дж. Джойса в романе «Улисс», их участие в языковых играх писателя и возможности трансляции на русский и немецкий языки. Для решения поставленных задач были использованы: метод сплошной выборки, морфемный и словообразовательный анализ, а также ком-

плексный сопоставительный анализ лексических новообразований оригинала и их немецких и русских переводных соответствий.

Анализ 970 окказиональных единиц позволил обнаружить следующие основные способы их образования: словосложение, слияние, контаминация, аффиксация, конверсия, альтернативация, редеривация, протеза, звукоподражание, смешанные формы словообразования и т.д. При этом, наиболее часто авторские неологизмы создавались словосложением и смешанными способами словообразования.

Уникальность новообразований, созданных Дж. Джойсом в данном произведении, делает особенно интересным сопоставительный анализ «переводческих решений», которые применялись при межъязыковой передаче окказиональных единиц. Наряду с хрестоматийным русским переводом романа «Улисс», выполненным В.Хинкисом и С.Хоружим, был исследован современный перевод этой книги, сделанный С.Маховым и опубликованный в 2007 г.

Для сопоставления были также взяты два немецких варианта произведения. Выбор немецкого перевода не случаен, а продиктован особенностями этого языка, в частности тенденцией объединять простые слова в сложные, поскольку первое место среди всех способов словообразования, применяемых Дж. Джойсом, принадлежит словосложению. Все это позволяет предположить относительную «легкость» транслирования окказионализмов Дж. Джойса на немецкий язык. Кроме того, немецкий перевод Г.Гойерта, законченный в 1927 г. при жизни Дж. Джойса, стал первым иностранным переводом «Улисса», который, тем не менее, не вызвал удовлетворения самого писателя, отлично знавшего этот язык. По мнению критиков, вариант Г.Волльшлегера, впервые опубликованный в 1975 г., во многом эстетически и филологически превосходит первоначальный перевод Г.Гойерта, однако не лишен ряда ошибок и неточностей [Melchior 1985: 72]. Интересным показалась возможность сопоставить эти два перевода, разделенные значительной временной дистанцией, с точки зрения трансляции окказиональных единиц.

Рассматриваемые в статье примеры приводятся в следующем порядке по изданиям:

- Joyce J. Ulysses. London: Picador, 1998. 741 p.;
- Joyce J. Ulysses: Roman / übersetzt von Georg Goyert. Zürich: Rhein-Verlag, 1956. 836 S.;
- Joyce J. Ulysses: Roman / übersetzt von Hans Wollschläger. Ulm: Suhrkamp Verlag, 2004. 987 S.;
- Джойс Дж. Улисс: Роман / пер. с англ. В.Хинкиса, С.Хоружего. СПб.: Симпозиум, 2002. 830 с.;

Джойс Дж. Соч.: в 3 т. Т II: ОдиссейЯ / пер. с англ. С.Махова. М.: ООО «СФК Инвест», 2007. 696 с.

Как известно, окказиональное слово, являясь объектом перевода, может считаться особой единицей текста и, соответственно, единицей перевода, требующей от переводчика принятия индивидуального переводческого решения, которое во многом зависит от типа окказиональной единицы, от той модели, по которой она образована. Этот фактор, в конечном счете, определяет соотношение творческого и стереотипного в процессе перевода авторского новообразования.

В целом, принято выделять следующие способы перевода окказиональной лексики: 1) создание окказионализма в языке перевода с учетом модели окказионализма исходного языка (сохранение как формы, так и содержания); 2) лексическая замена окказиональной единицы узуальным словом (сохранение содержания с потерей формы); 3) транскрипция/транслитерация окказионализма (сохранение формы с потерей содержания); 4) опущение окказионального слова (потеря и формы, и содержания).

Окказиональные единицы Дж.Джойса можно условно разделить на две группы: те, что были созданы писателем в рамках английского языка («внутриязыковые» окказионализмы), и так называемые «интерязыковые» окказиональные слова. Вторая группа авторских неологизмов менее обширна, однако заслуживает особого внимания, поскольку ее единицы нередко выступают элементами языковой игры Дж.Джойса, которая была метафорически емко обозначена немецким исследователем Э.Кройцером при помощи термина «полиглотизм» (нем. “Polyglottismus”) [Kreutzer 1969: 82]. Приведем анализ различных приемов, использованных немцами и русскими переводчиками в процессе трансляции окказиональных новообразований обеих групп.

1. «**Внутриязыковые**» окказионализмы. Проведенный сопоставительный анализ окказиональных единиц Дж.Джойса и их переводных соответствий позволяет утверждать, что, в целом, переводчики стремились сохранить способ образования «внутриязыковых» окказионализмов и в то же время максимально передать их значения на языке перевода, иными словами, они создавали окказионализмы в ПЯ по модели окказионализмов в ИЯ:

Horseness is the *whatness* of *allhorse* (p. 178).

Pferdsein ist das *Wassein* des *Allpferds* (S. 212).

Pferdheit ist die *Washeit* des *Allpferds* (S. 254).

Лошадность – это *чтойность* *вселошади* (с. 178).

Лошадность – это *чтойность* *вселошади* (с. 177).

В данном случае модель образования окказионализмов относительно «прозрачна» и в переводческих решениях наблюдается некоторое единство. Однако далеко не все окказионализмы Дж.Джойса одинаково легко переводимы. Особую сложность, естественно, вызывают те единицы, которые были созданы по смешанным моделям словообразования. Примером такого сложного авторского новообразования может стать лексическая единица из 7 основ *mangong-wheeltrackrolleyglarejuggernaut* (man + gong + wheel + track + trolley + glare + juggernaut).

Might have lost my life too with that *mangong-wheeltrackrolleyglarejuggernaut* only for presence of mind (p. 424).

Leben kommen können mit diesem *Kerlglocke-radgeleiserolleglitschigerboden* (*Kerl* + *Glocke* + *Rad* + *Geleise* + *Rolle* + *glitschig* + *Boden*), wenn ich nicht Geistesgegenwart besessen hätte (S. 501).

Hätte ja auch glatt ums Leben kommen können durch diesen *Kerlgongradgleisrolleglitzerdschagannath* (*Kerl* + *Gong* + *Rad* + *Gleis* + *Rolle* + *glitzern* + *Schagannath*), wenn ich nicht geistesgegenwärtig genug (S. 606).

Мог бы расстаться с жизнью из-за этого *трамгонгфардугрельсджаггернаут* (*трамвай* + *гонг* + *фара* + *дуга* + *рельс* + *Джаггернаут*), хорошо, что не растерялся (с. 426).

Чуть жизни не решил из-за той *вожатогудкоколесопутедугосветодавилки* (*вожатый* + *гудок* + *колесо* + *путь* + *дуга* + *свет* + *давилка*), хорошо сохранил присутствие духа (с. 429).

Как видно из переводов, каждый переводчик по-своему выделил основы окказиональной лексемы Дж.Джойса, а следовательно, семантические компоненты переводных единиц не совпадают.

Особую сложность, как нам кажется, также вызывали окказиональные единицы, компоненты которых соотнесены с лингвокультурными реалиями, являющимися отражением оценочных стереотипов и ценностных установок в языковом социуме. Культурные концепты активируются компонентами формальной и содержательной структуры окказионализма через референцию к именам собственным, топонимам, к названиям литературных артефактов, национальных символов, к фразеологизмам и текстам, исходные элементы которых содержатся в структуре окказионального слова. При переводе таких единиц, следовательно, необходимо отразить не только словообразовательную структуру, но и реалию, заложенную в единице оригинала.

Таблица 1

Перевод окказионализмов, содержащих компоненты, соотнесенные
с лингвокультурными реалиями

<i>Г.Гойерт</i>	<i>Г.Волльшлегер</i>	<i>В.Хинкис, С.Хоружий</i>	<i>С.Махов</i>
РЕФЕРЕНЦИЯ К АНТРОПОНИМАМ:			
had been sherlockholmsing			
Sherlockholmesierte	shelrlockholmsiert	шерлокхолмствовать	шерлокхоулмствуюя
columble			
columble	columble	приколумбь	приколумбь
dongiovannism			
Donjuanismus	Donjuanismus	донжуанство	волокичество
shakescene			
Kulissenscheiber	Szenenerschütterer	потрясатель сцены	потрясатель подмостков
РЕФЕРЕНЦИЯ К ТОПОНИМАМ:			
Big Benaben			
Big Benaben	Big Benaben	Большой Бенабен	Большой Бенабен
patsyapunjaub			
patsyapunjaub	Patsyandschab	балдапенджауб	Панджаубского козла отпущения
Brutish			
brutisches	Viehischen	Бритадский	бритошпанской

Примеры в таблице 1 показывают, что основная задача переводчика – сохранить окказиональность лексемы, прежде всего за счет повторения словообразовательной модели, и в то же время передать компонент национально-культурной информации (*Sherlockholmsieren, шерлокхолмствовать*). Порой сохранение первого ведет к потере второго (*Большой Бенабен*), возможна потеря обоих компонентов (*Szenenerschütterer, потрясатель сцены*).

Словообразовательные связи могут играть первостепенную роль при создании лексико-грамматических групп в тексте, представленных цепочками окказиональных номинаций. Создание слов по одной словообразовательной модели, относящихся к одной словообразовательной категории и одному словообразовательному типу, служит средством когезии, а также повышает экспрессивный потенциал текста. Такие цепочки очень характерны для техники Дж. Джойса и требуют особого внимания со стороны переводчиков.

Bloom looked at the head of the horse ... it was a *fourwalker, a hipshaker, a black-buttock, a tail-dangler, a headhanger*, putting his hind foot foremost the while the lord of his creation set on the perch, busy with his thoughts (p. 576).

Bloom betrachtete den Kopf eines Pferdes ... und doch war es ein *Vierfüßler, ein Hankenschüttler, ein Schwarzhintern, ein Schwanzschläger, ein Kopfhänger*, der seinen Hinterfuss vorsetzte, während der

Herr seiner Schöpfung in Gedanken versunken auf dem Block sass (S. 670).

Bloom erblickt den Kopf eines Pferdes ... es war handgreiflich ein *Vierbeiner, ein Hankenschüttler, ein Schwarzhintern, ein Schwanzschläger, ein Kopfhänger*, der seinen Hinterfuß wacker voran setzte, während der Herr seiner Schöpfung auf dem Bock saß, mit seinem Gedanken beschäftigt (S. 810).

Блум посмотрел на конскую голову ... это явно был *тихоход, хромоног, вислогуз, тощобрюх, полусдох*, вставший с задней ноги, а владыка его творения восседал на своем насесте в глубокой задумчивости (с. 567).

Блум посмотрел на голову лошади ... явно представляла собою *тихохода, бедрокрута, чернотопота, болтохвоста, головоповеса*, ставящего заднюю ногу аж вперед перед перед, в то время как владыка сего творения восседал на козлах в глубокой задумчивости (с. 573).

Элементы цепочки приведенных слов Дж. Джойса были созданы путем словосложения и суффиксации (+ -er) и призваны усилить негативную оценку описания лошади. В переводе В.Хинкиса и С.Хоружего вместо пяти новообразований наблюдается три, поскольку «тихоход» и «хромоног» не являются окказионализмами. Оставшиеся три лексемы в целом передают мысль о «плачевном состоянии лошади», заложенную Дж. Джойсом, однако не являются полными эквивалентами авторских неологизмов. С.Махов увеличивает количество окказионализ-

мов до четырех единиц, его перевод в данном случае можно охарактеризовать как приближенный к буквальному. Что касается немецких переводчиков, то окказионализмы в их вариантах романа представляют собой непосредственную кальку единиц, созданных Дж.Джойсом.

Приведем еще один пример подобной игры Дж.Джойса со словами.

Come on, you *winefizzling ginsizzling booseguzzling existences!* Come on, you *doggone bullnecked, beetlebrowed, hogjowled, peanutbrained, weaseleyed fourflushers, false alarms and excess baggage* (p. 407)!

Los, ihr *weinsaufenden, ginverschlingenden, versoffenen Brüder!* Los, ihr auf den Hund gekommenen, *stiernackigen, finsterzeugenden, schweinsrüsseligen, haselnusshirnigen, wieseläugigen* Quadratschieber, Falschalarmschläger und Schmuggelbrüder (S. 483)!

Heran, ihr *weintriehenden, ginschniefenden, schnapssauphenden* Gestalten! Heran, ihr *kotzverdammten, stiernackigen, käferstirnigen, schweinsrüssligen, erdnußhirnigen, wieseläugigen* Angeber, Schaumschläger und überschüssiges Gepäck (s. 586).

Приидите все таври *винососущие, пивоналитые, джиножаждущие!* Приидите *псиноухающие, быковыйные, жуколобые, мухомозглые, свинорылые, лисьеглазые*, шулера, балаболки и людской сор (с. 411)!

Придите ‘се твари *винососуще, водку пьянствующе, ханку хлебающе!* Придите ‘се *чертесобачии, бычешееи, жучиломордые, свиног’ловые, тупамозглые, хитроглазные* пройды, ложно тревожные и вотще надеющие (с. 415)!

В данном отрывке Дж.Джойса многогранные образы выражаются посредством ярких концентрированных сложных слов, соединяющих в себе разноплановые основы по моделям N (напиток) + PI (*wine|fizzling, gin|sizzling, boose|guzzling*) и N (животное/растение/насекомое) + PII по анало-

гии с узуальной лексемой *bullnecked (beetle|browed, hog|jowled, peanut|brained, weasel|eyed)*. Немецкие переводы окказиональных новообразований, особенно те, что предложены Г.Волльшлегером, представляют собой более приближенную копию английских лексем, чем русские варианты. Несколько вольным кажется перевод С.Махова, который в комментариях объяснил это желанием передать аллюзию Дж.Джойса «на знаменитый зов Мармеладова в начале "Преступления и наказания"». Так или иначе, немецкие и русские переводы лишены магии игры Дж.Джойса со звучанием, ведь подбор вторых элементов сложных слов был продиктован автору аллитерацией: *fizzling, sizzling, guzzling*.

2. «*Интеръязыковые*» окказионализмы. Мы считаем, что особую трудность при переводе вызывают окказиональные слова именно второй группы, созданные на основе единиц из других языков. Англоязычный художественный дискурс романа «Улисс» усложнен элементами, заимствованными из многих языков, что затрудняет прочтение текста оригинала.

В условиях знания нескольких языков у Дж.Джойса нередко возникают билингвальные контаминированные образы, которые выражаются в отклонении от нормы родного языка под влиянием иностранного (интерференции) [Столярова 2003: 85]. Отсюда в тексте Дж.Джойса появляются такие слова, как: *eyetallyano* (итальянское произношение слова «итальянец» передается известными английскими словами *eye* – глаз, *tall* – высокий), *viragitis* (*virag* – с венгерского «цветок» + *-itis* – суффикс, обозначающий название болезни, обычно воспалительного характера), *vobiscuits* (от латинского “*vobiscum*” – с вами), *brenningly* (от нем. «*brennen*» – гореть, пылать). Примеры подобных окказиональных новообразований Дж.Джойса и их переводных соответствий приведены в таблице 2.

Таблица 2

Перевод окказионализмов, содержащих элементы других языков

Г.Гойерт	Г.Волльшлегер	В.Хинкис, С.Хоружий	С.Махов
eyetallyano			
Italiano	Eiteljenno	гутальянец	эталианец
viragitis			
Voragitis	Viragitis	мужеподобие	мужеподобия
brenningly			
не переведено	не переведено	пламенно	рациональному
thanky vous			
Thanky vous	tank you	мерсибо	мерсибо
vobiscuits			
Vobiscuits	Vobiscuits	вобисквит	вобиспечень

Созданные Дж.Джойсом окказионализмы в данном случае предоставляют еще больший простор для лингвистической игры, так как происходит уплотнение смыслов, затемнение однозначности восприятия и порождение множественности интерпретаций. Окказионализм “*eyetallyano*” – один из ярких примеров, когда прослеживается четко обозначенный и узнаваемый в своих нагромождениях лексический слой из инородной языковой системы, а также ряд из английских лексем, описывающих внешность упомянутой национальности. Однако во всех проанализированных переводах отсутствует полный набор компонентов исходной лексемы. Г.Волльшлегер применил транскрипцию, сохранив созвучие с национальностью «итальянец», но редуцировав какие-либо ассоциации с описанием его внешности. Еще более привычным для читателя, но при этом лишенным богатства семантики исходной единицы, стал вариант Г.Гойерта. Русские переводчики создали окказионализмы на ПЯ контаминацией лексемы «итальянец» и слова, начинающегося с «гут...» (возможно, «гуталин») (В.Хинкис, С.Хоружий) и «эт...» (С.Махов). Однако и это не спасло от потери двух элементов, вложенных Дж. Джойсом в слово-саквояж, поскольку русский неологизм вызывает совершенно другой ассоциативный ряд. Как полагает Е.Г.Фоменко, для передачи многоязычного колорита джойсовского текста необходимо, чтобы переводчик включился в лингвистическую игру, предложенную автором, и сохранил единое концептуальное пространство, в котором языковые границы невероятно подвижны [Фоменко 2006: 254].

Приведем еще один пример.

Don Emile Patrizio Franz Rupert Pope Hennessy (in medieval hauberk, two wild geese volant on his helm, with noble indignation points a mailed hand against the privates) – Werf those eykes to *footboden*, big grand porcos of johnyellows todos covered of gravy (p. 515)!

Don Emile Patrizio Franz Rupert Pope Hennessy. (In mittelalterlichem Halsberg, zwei fliegende Wildgänse auf dem Helm, streckt mit edler Entrüstung den Soldaten eine gepanzerte Hand entgegen.) Jette die Gurken *auf Fussbodden*, grosse, dicke porcos von gelben johnbulls toddos mit Sauce bedeckt (S. 598).

Don Emile Patrizio Franz Rupert Pope Hennessy (in mittelalterlicher Halsberge, zwei Wildgänse fliegend an seinem Helm, streckt in edler Entrüstung eine gepanzerte Hand gegen die beiden Gemeinen aus): Throw die Lümmel da *auf den Floor*, diese riesengroßen porcos von Johnbulls, todos mit Soße beckeckert (S. 721)!

Дон Эмиль Патрицио Франц Руперт Поуп Хеннесси (в древневековой кольчуге и шлеме на котором два летящих диких гуся, закованною в латы рукой с благородным негодованием указывает на солдат). Werf этих сопляков *footboden*, этих здоровенных porcos, джонбулей, todos облитых соусом (с. 509)!

Предводитель Эмиль Патрицио Франц Руперт Поп Хеннесси (в средневековой кольчуге, шеломе с двумя летящими дикими гусями; закованною латами рукой в благородном негодовании указывает на рядовых). Werf оных раздолбаев *пункомboden*, здоровенных трусливых англичашек, porcos облитых todos подливой (с. 513)!

Перевод данного отрывка из эпизода XV – непростая задача, поскольку в нем присутствует игра слов, основанная на вкраплениях из немецкого, испанского, французского языков, а также калька с ирландского языка [Szczerbowski 1998: 42]. Насколько это удастся немецким и русским переводчикам, можно оценить, проанализировав их варианты трансляции окказионального единицы “*footboden*”, созданной контаминацией английской лексемы foot и немецкой лексемы Fußboden. Г.Гойерт превращает англо-немецкий окказионализм в узуальное немецкое слово, при этом удваивая согласный “d” с целью придать экспрессию высказыванию действующего лица. Г.Волльшлегер, напротив, «вынуждает» узуальное английское слово floog функционировать по законам немецкого языка, тем самым превращая его в синтаксический окказионализм. В.Хинкис и С.Хоружий оставляют окказионализм в первоизданном виде, но при этом дают переводческий комментарий. Окказионализм С.Махова представляет собой сплав русского и немецкого композитов.

Итак, применение разных переводческих приемов при передаче одного и того же окказионализма, как правило, объясняется возможностью разнообразных интерпретаций окказионализмов писателя, что максимально, как нам кажется, затрудняет работу переводчиков в поиске соответствий на языке перевода. Порою можно говорить даже о значительном «несоответствии» единиц перевода словам оригинала, что было вызвано семантическим сдвигом или полной потерей некоторых компонентов в новообразовании. Все это неизбежно приводит к нарушению языковой игры Дж.Джойса, лишает читателя возможности в полной мере насладиться экспериментами писателя со словом, особенно в том случае, когда автор выходит за рамки родного языка. Тем не менее, важно отметить, что в текстах перевода на обоих языках нередко встречаются также удачные примеры транслируемости

окказионализмов Дж. Джойса, а переводчики, в целом, справляются с «вызовом», которым является этот роман.

Бесценен в этом смысле комментарий С. Хоружего: «Мне никогда не казалась достаточно интересной, творческой работа переводчика в собственном смысле – переведенье разных текстов, одного за другим, «с иностранного языка». Происходит совсем другое. Возникают личные отношения с явлением иноязычной культуры, и, углубляя их, ты осуществляешь целокупную его трансляцию в ландшафт культуры, родной тебе, – и в нем при этом высвечиваются новые и художественные измерения – и ты достигаешь стереоскопичности и полноты его постижения. Поэтому, в частности, моя работа над «Улиссом» Джойса – это не один перевод, а неразрывный тройственный ансамбль: перевод – комментарий, понятый расширительно, сделанный по моей оригинальной системе, – книга «"Улисс" в русском зеркале», окончательно придающая всему проекту характер целостной трансляции культурного феномена» [Калашникова 2008: 526]. Только подобный громадный труд может приблизить читателя романа «Улисс» к разгадке этого феноменального произведения, насыщенного сложнейшими авторскими новообразованиями, переводимость которых порою кажется невыполнимой задачей.

Список литературы:

Бегбедер Ф. Лучшие книги XX века: Эссе. М.: ИД «Флюид», 2008. 192 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира / пер. с нем. М.С. Козловой. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 220-548.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 215 с.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.

Калашникова Е. По-русски с любовью. Беседа с С.С. Хоружим. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 608 с.

Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филологические науки. 2004. № 2. С. 79–87.

Столярова И.А., Шехтман Н.А. Лингвокреативные механизмы словообразования. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 164 с.

Токарев Д.В. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.

Фоменко Е.Г. Лингвостилистические аспекты перевода «Поминок по Финнегану» Джеймса Джойса // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 2006. С. 247–254.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт в переводе / пер. с итал. А.Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

Юнг К.Г. Дух в человеке, искусстве и литературе / Пер. с нем. В.А. Поликарпова. Минск: ООО «Харвест», 2003. 384 с.

Kreutzer E. Sprache und Spiel im “Ulysses” von James Joyce. Bonn, 1969. 148 S.

Mcgee P. Paperspace: Style as ideology in Joyce’s Ulysses. Lincoln: University Press, 1988. 243 p.

Melchior C. “Ulysses” Deutsch. James Joyce betreffend: Materialien zur Vermessung seines Universums. Wien, 1985. Band 1. S. 67–73.

Szczerbowski T. Gry Językowe w przekładach “Ulissesa” Jamesa Joyce’a. Kraków, 1998. 145 s.

OCCASIONAL WORDS AS PART OF THE WRITER’S LANGUAGE GAME (based on James Joyce *Ulysses*)

Evgeniya A. Naugolnykh

Associate Professor of Foreign Languages Department
Perm State Pharmaceutical Academy

The research aims at studying occasional lexis of James Joyce in *Ulysses* and their role in the language game of the writer. Models of occasional words formation and possibilities of their translation, particularly into the Russian and German languages, are analyzed.

Key words: occasional word; language game; word-formation models; translatability.